

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХУШ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛЮ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1983-1984

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

3. Ligne de. Mémoire sur le Cte de Bonneval. Nouvelle édition. Paris, 1817, с. 183.
4. A.Vandal. Une ambassade française en Orient sous Louis XV. La mission du Marquis de Villeneuve 1728-1741. Paris, 1887, с.138.
5. Несколько таких записок хранится в Архиве Внешней Политики России (далее - АВПР).
6. АВПР, ф. "Сношения России с Турцией", 1733, реляция Н.Неплюева и А.Вешнякова от 3.ХП.
7. А.Нидус. История материальной части артиллерии. Т.1. СПб., 1904, с. 167-168.

М.В.Воробьев

ПРОБЛЕМА ВЕРХОВОЙ ВЛАСТИ В РАННЕ-СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЯПОНИИ В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

Понятие верховной власти является концентрированным выражением сущности любого политического образования. Оно часто служит важным внешним признаком преобладания той или иной социальной структуры, в т.ч. и формационной. Отношение права к этой проблеме имеет особое значение. Поскольку право - совокупность норм, выработанных или санкционированных государством для нужд управления, оно должно прямо или косвенно "узаконить" самую верховную власть. От того, как в историческом прошлом оно решало эту задачу, зависело многое: осмысление истоков верховной власти, формирование теоретического ее обоснования, понимание главных функций и пределов верховной власти, наконец, определение места самого права по отношению к этой власти. Особый интерес эта проблема приобретает при изучении раннего средневековья, которое для большинства народов и стран земного шара являлось эпохой первых государственных образований. К таким странам принадлежит и Япония. Посмотрим же, как решалась проблема верховной власти в гражданском кодексе Японии "Тайхо Ёро рё", 718 г., и в других законодательных памятниках, созданных в разных частях земного шара в ранне-средневековое время (рамки этого времени для конкретных стран приняты нами по СИЭ).

Наиболее автохтонный титул японского государя осмысливается как "император Японии [ведущий] небесными богами и земными существами" /13, XXI, 2/. Другие семь титулов, каждый применительно к конкретной ситуации, уже более китаизированы - "сын неба" и т.п.

/13, ХУШ, 1/. В обращении к императору все должны были именовать себя: мужчины - "вассалами" (син), женщины - "наложницами" (сё) /13, ХУШ, 3/. Японский император, чей род возводился к богине солнца Аматэрасу, считался первосвященником национальной религии - синто. При воцарении он получал священные регалии синто: яшму, меч, зеркало и совершал "великое жертвоприношение" /13, У1, 13, 10/. Он стоял во главе войска страны: выступление частей допускалось лишь после вручения военачальнику императорского указа и меча /13, ХУП, 18/. Он был высшей апелляционной инстанцией, утверждал приговоры к смертной казни /13, ХХ1Х, 5/. Он возглавлял законодательную и исполнительную власти. Вся информация на имя государя (докладные трону) двигалась снизу вверх по инстанциям /13, ХХ1, 9-14, 19, 20, 65, 69/. Все, выходящее за пределы текущего, предусмотренного функционирования аппарата управления, требовало для реализации императорского указа, подготовленного, регистрируемого и проводимого в жизнь сановниками, участвовавшими в его обсуждении и скрепившими его своими подписями, и чиновниками /13, ХХ1, 1-8/. Ведомствами не принимались к исполнению указы, не прошедшие через Министерство центральных дел; устные указания императора по частным вопросам исполнялись соответствующими учреждениями, но и о них докладывали Государственному совету /13, ХХ1, 71/. Указы, законно оформленные, подлежали немедленному и неукоснительному исполнению /13, ХХ1, 79/ и доведению до самых низших заинтересованных звеньев, например, до села /13, ХХ1, 75/. Кодекс прямо не ограничивал волеизъявление суверена, но в специальной статье утверждал мысль, что лишь сами кодексы (уголовный и гражданский) служат залогом правильного и справедливого решения любых дел /13, ХХ1Х, 41/.

Поскольку кодекс династии Тан в Китае - "Тан лин", 637 г., послужил прототипом для японского, не удивительно, что имеются аналогии как в положениях, так и в тексте статей. Обнаруживается определенное сходство в титулатуре государя /8, ХХ1, 1/, в т.ч. применительно к конкретным ситуациям - в Китае титулов было пять вместо семи японских, в манере обращения к государю /8, ХУШ, 1, 3/. В Китае государь тоже возглавлял армию /8, ХУ1, 11/, утверждал смертные приговоры /8, ХХХ, 6/. Императорский эдикт так же служил единственным законодательным и правительственным актом, хотя "Тан лин" сохранил нам меньшее разнообразие этой формы, равно как и форм докладных государю /8, ХХ1, 1, 2, 4, 18, 20, 41/. Примечательно, что не существовало (или не сохранилось) аналогов японским статьям, хотя бы бюрократически ограничивающим волю суверена.

Непосдная сохранность "Тан лин" вынуждает искать дополнительные сведения о верховной власти в Китае в уголовном кодексе династии Тан - в "Тан лий шу и", 653 г.: "Тот, кто является государем людей, обладает [благой силой] дэ, равной [силам] дэ Неба и Земли... Свыше [он] почтен драгоценным мандатом [Неба], а, оборотясь вниз, лично наблюдает за всем, что на Земле" /XVI, 248; по 5, с. 136/. Из десятка тяжелейших преступлений под тремя самыми тяжелыми подразумеваются: государственное святотатство; бунт против сакральной особы императора, разрушение храмов и мавзолеев предков (за это отвечали по общесемейной ответственности); измена государю или государству /5, с. 136-138/. Аналогичную картину мы видим и в японском уголовном кодексе "Тайхо Ёро рицу", 718 г. /9, с. 18/.

Эти положения и в том же выражении усвоил самый старый сохранившийся кодекс Вьетнама - династии Ле: "Ле триё хинь луат", кон. XV в., ориентированный на танский /18, 410, 411/. Он усвоил даже аналогичные "производные" преступления: самовольное проникновение в резиденцию, подделка императорской печати, разрушение императорских мавзолеев /18, 51, 429, 430/. Он лишь немного смягчил наказания за эти преступления. В Когурё и Пэкче - государствах на Корейском полуострове - в I-ую пол. I тыс. н.э. бунт против короля обозначался китайским же термином и наказание за него назначалось аналогичное танскому /1, с. 58, 124/. Эти наблюдения допускают мысль о существовании в Корее и во Вьетнаме в раннем средневековье представлений о функциях верховной власти, сходных с китайскими и японскими.

По древне-индийскому кодексу "Законы Ману", П в. до - П в. н.э., царь - это воплощение восьми сверхъестественных хранителей мира /3, У, 96/; он - великое божество с телом человека и создан верховным божеством для охраны мира, поскольку люди "рассеялись от страха" без царя /3, Уш, 8, 3/. Более поздний кодекс "Законы Нарада", IV-VI вв., вменяет царю в обязанность охранять государство и обычаи; утверждает, что и сам закон воплощен в царе, и все, что делает царь, справедливо /19, XVШ, 5, 20, 21/. Царь обязан охранять подданных, закон (дхармы), чтить брахманов, быть верховным судьей, возглавлять войско /3, УП, 2, 3, 35, 37, 38, 99, 100, 140/. Для поддержания своей власти царь имеет право на узаконенные налоги и отработки с населения /3, УП, 128, 138/. Его положение очень высоко в сакральном смысле: для него не существует опасности осквернения /3, У, 97/, лишь бы его образ жизни был достоин Индры /3, IX, 303/.

В Сасанидском Иране, по "Судебнику Матекдан", 620 г., лишь

санкция правителя придавала юридическую силу решениям глав сословий /12, 2, 17-3, 1/, и приказ правителя в светских делах был непререкаем даже для жрецов /12, А27, 5-7/.

В халифатах, где кодексы и судебники не столько составлялись правительствами, сколько принимались в готовом виде, подготовленные отдельными правоведами, правовая характеристика верховной власти имеет ряд особенностей. По "Шираи аль Ислям", ок. 1277 г., который является комментарием к более ранним кодексам, халиф - это прежде всего религиозный глава правоверных - имам /7, П, 1, 219/, а уж потом государь халифата, обладавший, однако, неограниченной властью. По "Хидая", ок. 1213 г. - источнику того же типа, халиф не был ответственен по публичному праву за совершенное преступление. Хотя ему дано "божественное" право налагать наказания, он может налагать их лишь на других. Но он мог отвечать по частному праву - по искам /3, УП, 2, с. 25/. Халиф был обязан выбирать и назначать судей-кади /6, ХХ, 1/. Он считался владельцем всех трофеев /7, П, I, 122б, в/, наследником после пленных и всего выморочного имущества /7, П, I, 124, 121/.

В Византии по кодексу Юстиниана, "что угодно государю, то имеет силу закона" /4, с. 89/. По "Дигестам", 533 г., византийский император сам был "живым законом" /XLVШ, 19.1-42; по 14, №26, с. 30/. Впрочем, скорее по традиции, законодательные функции призначались и за Сенатом /1, 3.9; по 11, с. 103/. Однако сам император (принцепс) был свободен от соблюдения закона / I, 3, 31; по 11, с. 108/. В "Дигестах" законам ("конституциям") выделен целый титул /11, I, 4/. Авторитарное положение византийского императора подкреплялось ссылкой на так наз. Юлиевый закон о величии /11, XLVШ, 4/. Судя по "Эклогe", 726 г., император был единственным судьей по делам о государственной измене /17, XLII, 31/. По "Дигестам" она понималась очень широко, вплоть до оскорбления статуи императора, и влекла за собой общесемейную ответственность / XLVШ, 4.1-3, 9-10; по 14, № 27, с. 23/. Император считался высшей апелляционной инстанцией по прочим делам /11, XLVШ, I/, возглавлял разветвленный аппарат чиновников - "магистратов" /11, I, 9-21/, войско /11, XLIX, 1б/, руководил фиском /11, XLIX, 14/ и всеми материальными пожалованиями /17, XVI, 4/.

Переходя к славянским, германским, англо-саксонским юридическим памятникам раннего средневековья, мы неизбежно обращаемся к "Правдам", созданным, как правило, на базе обычного права. Поэтому проблеме верховной власти в них если и уделено внимание, то оно сведено к персоне государя. В болгарском "Законе Судном людем",

рубеж IX/X вв., за князем признается право на 1/6 трофеев /ст.3; по 15, с. 681/, а в "Русской Правде (Краткой редакции)", XI в., оговорено отчисление корма "княжеским мужам" из общинной виры /10, ст.42/. В "Польской Правде", записанной в 1233 г., уже на рубеже развитого феодализма, о правах короля нет ни слова, а в начале памятника многозначительно говорится о прежнем подчинении поляков Папе, а не германскому императору, орденские чиновники которого, повидимому, записали "Правду" /ст. I; по 15, с. 738/, т.е. духовному, а не светскому властителю. Один из ранних памятников германского права - "Салическая Правда", ок. 500 г., ничего не говорит ни о верховной власти, ни о персоне государя и самую жизнь его ближайших сподвижников охраняет всего лишь тройным вергельдом - штрафом /ст. LIY; по 15, с. 228/, но уже "Саксонский Капитулярий", кон. VIII в., угрожает смертью за нарушение верности королю /ст. II; по 15, с. 34/, а "Саксонская Правда", нач. IX в., грозит таким же наказанием за умысел против жизни короля /ст. 24; по 15, с. 29/. Эдикт короля Теодориха Остготского, 500 г., объявляет особу короля священной, называет его "священным судьей" - высшей апелляционной инстанцией /2, LV/, но требует, чтобы судебные решения и приказы властей проводили в жизнь лишь официальные лица и "без насилия" /2, LXXIII/. "Вестготская Правда", ок. 654, предаёт анафеме мятежников и интриганов, действующих во вред королю, народу и родине /II, V, 6; по 16, с. 581/, назначает тяжёлый штраф за неподчинение приказам короля /II, I, 33; по 16, с. 584/, но и обязывает короля почитать закон и не угнетать народ налогами /II, I, 2; по 16, с. 584/. По "Судебнику короля Альфреда", правившему в саксонской Англии в конце IX в., за умысел на жизнь короля полагалась смертная казнь /ст. 4; по 15, с. 70/. По "Законам Кнута" из датской династии в I-ой четверти XI в. король имел право объявить человека вне закона, вторгнуться в его жилище, размещать заставы, принимать беглецов, собирать народное ополчение /ст. I2; по 15, с. 85/.

В конце раннего средневековья венгерский король, один из первых в эту эпоху, заключил письменный договор с дворянством - "Золотую Буллу", 1222 г. В ней он ручался соблюдать правосудие, собирать лишь узаконенные налоги, не заставлять служилых воевать за пределами страны, даже узаконил восстание в случае нарушения им Буллы /ст. 2, 3, 7, 31; по 15, с. 708, 711/. Этот документ открывает серию "договорных" юридических актов (первоначально, с "обещанием" в целом), созданных уже на рубеже развитого феодализма (Корчульский статут 1256 года в Далмации; Ландслаг короля Магнуса

Эрикссона 1347 года в Швеции).

В рассмотренных памятниках права истоки верховной власти чаще характеризуются опосредствованно, через происхождение фамилии государя. Японский государь представлен, прежде всего, как потомок главной богини синто – Аматаэрасу и лишь во вторую очередь как сакральный повелитель китайского толка. Для китайского императора эта последняя характеристика, естественно, становится первоочередной (и единственной), но непосредственная связь с божеством несколько слабеет. Сакральность китайского типа право признавало и за правителями Когурё, Пэкче в Корее, а также Вьетнама. Индийское право прямо называло царя воплотившимся богом. Мусульманские судебники, вследствие их частного происхождения, не углублялись в эту проблему, однако не оставляли сомнения в "священном" характере особы халифа – преемника пророка. Мысль о "священном характере" государя проводится в византийских памятниках права, проскальзывает в судебнике остготов.

Теоретическое обоснование верховной власти в наших памятниках, если и предлагается, то весьма скупо или в иносказательной форме. Очевидно, эта тема не всегда входила в задачу памятников права или не соответствовала характеру памятников: частного – одних, общно-правового – других, государственно-практического – третьих. По японскому кодексу боги поручили императору ведать небесными и земными делами. На управление Поднебесной, – утверждает китайский кодекс, – получил мандат от Неба и китайский император. Мироустроительская задача поставлена и перед индийским царем, которого право называет воплощением закона. На автократических принципах строилась власть византийского императора и халифа, – власть в прочих отношениях весьма разная. По разному охраняло право и самую личность суверена. Тяжелейшая, причем солидарная, ответственность наступала в случае покушения на персону или на основы власти государей во всех странах Дальнего Востока, в Индии, в Византии. Смертной казнью за умысел против жизни короля угрожали законы саксов Германии, Англии: у первых смертная казнь полагалась уже за нарушение верности королю. Чисто "договорные" принципы верховной власти для этой эпохи – редкость (Венгрия), но те или иные ограничения ее: от конкретных (остготы, вестготы) до общих и косвенных (Япония, Индия, Польша и др.) – встречаются в праве нередко, чаще как память родовой "свободы".

При общем сходстве определения основных функций верховной власти заметны существенные различия в полноте и четкости определения. Наивысшая степень определения достигнута в праве Китая, Япо-

нии, Вьетнама и, конечно, Византии. Выделяются религиозная, законодательная, судебная, правительственная, военная функции. Право отдавало суверенам руководство этими функциями - всеми или отдельными, исключительно или с оговорками. По характеру руководство обычно оказывалось исключительным (законодательная функция), контрольным (судебно-апелляционная), распорядительным (правительственная, военная функции), представительным (религиозная функция). Право Индии прямо выделяет судебную и военную функции государя; право Ирана - слитную правительственно-судебную; право халифата - религиозную, судебную, правительственную, военную; право англосаксов - законодательную и пр.

Функции верховной власти подвергаются в праве конкретизации, когда речь заходит о пределах власти (кроме самого закона). Чаще всего эти пределы приходится определять по сумме прав и обязанностей суверена, представленной в памятнике. Конкретные ограничения для раннего средневековья редки: японскому императору полагалось действовать лишь через правительственный аппарат, индийскому царю - получать узаконенные налоги и отработки, халифу оставались все трофеи и выморочное имущество, болгарскому князю - полагалось 1/6 трофеев, киевскому великому князю - корм его людям. Угнетать народ незаконными налогами запрещало право вестготов, в Англии - при датчанах, в Венгрии, где такие пределы оказались еще жестче. Обращают на себя внимание частые правовые ограничения при взимании налогов.

Определение места закона, права по отношению к верховной власти, ее носителям служит своеобразным завершением рассматриваемой проблемы. Это место не всегда документально определено. Откровенно над законом, правом поставлен один византийский император. Халиф объявлен неответственным лишь по публичному, но не по частному праву. Кодексы Японии (и, менее твердо, Китая) отстаивали мысль о самоценности права в жизни страны и, тем самым, косвенно выражали идею, что император руководствуется законом и охраняет закон. В памятниках других стран содержатся прямые призывы к правителям охранять законы, даже обычаи (памятники Индии, остготов, вестготов и др.).

Итак, проблема верховной власти в раннем средневековье получила отчетливо полную и последовательную разработку в праве Византии, Китая и Японии, причем самой сложной оказалась система в Китае, а наиболее увязанной с "законностью" - в Японии. Однако открытое правовое ограничение верховной власти на этой стадии - редкость (тем более, "договорного" типа). Чаще оно проявляется в

умолчании о тех или иных прерогативах правителя, в сужении его функций. Это связано не только с характером самих памятников, с традициями развития права в отдельных странах, но и с реальной исторической действительностью (переходом от родо-племенного строя или от государственности).

-----

1. Н.Я.Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.П. М., 1950.
2. И.А.Дворецкая. Эдикт Теодориха Остготского. - Уч.зап. МГПИ. Вып. 217. М., 1964.
3. Законы Ману. М., 1960.
4. Книга для чтения по истории средних веков. Ч.1. М., 1951.
5. Е.И.Кычанов. Преступление против императора по традиционному китайскому праву. - XIV науч.конфер. "Общество и государство в Китае". Тез. и докл. Ч.1. М., 1983.
6. [Али Бурханаддин аль-Маргинани]. Хидая. Тт. 1-4. Таш., 1893.
7. аль-Мухагкыгк. Шерауль-ислям. Вып. 1-2. СПб., 1862-1867.
8. Ниида Нобору. Торё дзюи. Токио, 1964.
9. Нихон кодай хотэн. Токио, 1892.
10. Памятники права Киевского государства X-XII вв. М., 1952.
11. И.С.Перетерский. Дигесты Юстиниана. М., 1956.
12. А.Г.Периханян. Сасанидский судебник "Книга тысячи судебных решений". Ер., 1973.
13. Рё-но гигэ. - Кокуси тайкэй. Т.ХП, Токио, 1900.
14. З.В.Удальцова. Законодательные реформы Юстиниана. - "Византийский временник". М., 1965, № 26; 1967, № 27.
15. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.
16. Хрестоматия по истории средних веков. Т.1, М., 1961.
17. Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. М., 1961.
18. R.Deloustal. La justice dans l'ancien Annam. - BEFEO. Т.ХI, 1911.
19. The Minor Law Books. Oxf., 1889 (The Sacred Books of the East, v. XXXIIII).

О.Дж.Джалилов

ВОССТАНИЕ 1925 ГОДА В ТУРЕЦКОМ КУРДИСТАНЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ

После подписания 24 июля 1923 года Лозаннского мирного договора руки турецких националистов были развязаны. Не признавая пунктов Севрского договора, правящие круги Турции, игнорируя за-